

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

Х А Р Ъ К О В Ъ,
Въ Университетской Типографіи,
1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Іюня 5 дня, 1816 года.

Деканъ Гаеріилъ Успенскій.

I.

П О Э З И Я:

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе четвертой пѣсни.

Разсужденіе о блаженствѣ рифмопворцовъ *относительно ихъ* сна — Пѣвецъ опыскиваетъ своего Героя въ лѣсу слушающаго пѣснь неизвѣстнаго — самая пѣснь — прозѣба незнакомца — онъ угациваетъ Упая въ своей хижинѣ — Упай кушаетъ по богатырски — очаровывается игрою и пѣніемъ незнакомца — Исторія незнакомца — Упай въ походѣ.

Нѣтъ! Риѣмотворцы! вы блаженны;
Людей щасливѣе спокрашъ.
Когда ошъ риѣмы ушомленны
Вы наконецъ ложитесь спать.
Ужъ по-по сладко, сладко спите,
Не поворотитесь — храпите!
Кикилора же между шѣмъ
Какіе сны даритъ вамъ всѣмъ!
Иному грѣзится поэту,
(Пускай Абрамомъ будетъ онъ)
Что онъ окончивъ пѣсню *Лѣту*
Взятъ Музами на Геликонъ.
Что шамъ сидитъ онъ на престолѣ

Родной щипается Царямъ,
Въ конецъ забывъ, что онъ не болѣ,
Какъ жалкій риешкачъ Абрамъ.
Что по ушрѣ, когда проснешся
Минеть его Царева честь.
Своей Поэмой онъ займется,
И чорствый хлѣбъ радъ будетъ ѣсть.
А стихотворцу снится Доду,
Что онъ свою окончилъ оду
И Князю оную поднёсъ.
Тотъ соню далъ ему червенныхъ,
Додъ отъ сего подѣмлетъ носъ
И презираетъ всѣхъ ученыхъ.
Сидитъ щасливый день и ночь
И отъ стола не идетъ прочь,
На нихъ Саширы длинны пишеть,
На нихъ ужасной злобой дышетъ
И лишь возносятся собой.
И давь полеть воображенью,
Надрывавъ риемъ великій сирой
Ихъ предаеть уже писненью
И весь свой дрызгъ на Княжій щотъ!
Но полно зашворю-ка ротъ
Я что-то очень заболтался,
Я только доказать спарался
Сколь риешворчій щасливъ родъ,
Какъ спитъ онъ сладко и завидно! —
Мнѣ будеть горько и обидно,
Когда кто спанеть вымышляеть
И заключаеть совсѣмъ другое
Да къ этому прибавишь въ шрое;

Что будто бы я подсмѣхашь
Хотѣлъ тебя, народъ почтенный!
Я читилъ всегда твой даръ священный,
Сказать хотѣлось только мнѣ,
Что былъ я самъ въ подобномъ снѣ.
Что спалъ я эту ночь прекрасно,
И что закономъ положилъ
Писать — пока не станеть силъ
И спать не захочу ужасно.

Ну что Утай, обманщикъ злой,
Ну какъ ты нынѣ поживаешь,
Что думаешь и гдѣ гуляешь,
Все — все, пожалуста, открой.
Ты причинилъ печаль мнѣ многу
И не хотѣлъ ты молодець,
Чтобъ сказкѣ былъ моей конецъ.
Пустился въ дальнюю дорогу.
Ахъ естлибъ ты да въ эту ночь
Хотябъ сквозь землю провалился
Гулять бы не болъ ты охочь
И въ путь въ другой разъ не пустился.
Не видишь ты, о Богатырь!
Какъ я, пѣвецъ твой, днесъ спрадаю,
Не слышишь ты какъ я ругаю
Тебя, себя — и цѣлый мѣрь.
Не мучь же ты меня, довольно!
Ей ей шерѣвья больше нѣтъ.
Такъ дѣлать, право, непристойно,
Открой пожалуста свой слѣдъ?

Открой — иль *Савва*, пвой чисташель,
Большой всѣхъ сказокъ почишашель
Тебѣ Херсона предпочнешь,
Наморщится и прочь поидеть.
На насъ онъ критикою грянешь
(Большой онъ въ сказкахъ грамашѣй)
И по надѣлаешъ онъ съ ней,
Что поупать никто не спанеть
Прекрасной сказочки моей.
Черезъ сіе я спану нищій
И буду жалкій человекъ.
Ты только бышь мнѣ можешь пицей
И усладишь мой горькій вѣкъ.
Сіе Ушай поразило,
Онъ о себѣ даль мигомъ знашь.
(Давно бы такъ ему сказашь,
Такъ дѣло бы и въ шляпѣ было)
О! о! да какъ ушелъ далеко,
Въ дремучій лѣсъ вступаешъ онъ.
Вдали мерцаешся огонь,
Къ нему шагаетъ онъ широко.
Но долго ли Ушай мой шель?
И шель ли скоро или пихо?
Сказашь сегобъ я не хошѣлъ:
Богатыри всѣ ходять лихо!
И моему кто не велѣлъ,
Чтобы припши къ огню мгновенно,
Уже давно онъ у огня,
Имѣя сердце восхищенно
Споишь въ забвеніи себя.
Но не ошъ щей, что памъ варятся,

Нѣшь! ихъ не видишь вовсе онъ,
Могъ всякой бы очароваться,
Когдабъ шакой услышалъ понъ,
Какой Ушай прельщенный слышешь,
Бѣдняжечка почти не дышешь,
Слеза съ его капится глазъ,
Плѣнилъ его волшебный гласъ.
Пѣснь Фаншастическу, унылу
Сей гласъ нев' домый поешъ
И своему предмету милу
Имень онъ множество даешъ,
А настоящимъ не зовешъ:

„Ушѣха, жизнь моя и сладость,
Блаженство ты, моя ты радость,
И все ты въ свѣтѣ для меня.
Печаль, скорьба, грусть, моя оправа,
Мой умъ ты и моя ты слава,
Не въ силахъ я наречь тебя.

✱

„Не вѣдаю тебѣ названья,
Цѣль моего существованья,
Моя едина благодашь
Ты всю вселенну украшаешь.
Ты мнѣ вселенну составляешь,
Могуль тебѣ я имя дать.

✱

„Чего безмысленный, желаю!
О нѣшь! тебя не постигаю,
Ты не земное существо!
Благоговѣю предъ тобою,

Боготворю тебя дуною,
Ты идолъ мой! ты божество!.....

*

Такъ голосъ пѣль и вдругъ выходишь
Какой — по парень молодой
Къ Ушаю скоро онъ подходишь
И юной жмешь его рукой.
Такъ обращается къ Ушаю:
О Богатырь! тебя я знаю,
Ты производишь изъ яйца,
Тебя давно жду *молодца*.
Теперь Ушай въ твоей лишь волѣ,
Чтобъ не была я въ злощастной долѣ,
Лишь ты одинъ распоргнешь ковь
Враждующихъ и злыхъ дуковъ.
Когда меня ты успокоишь,
Тебѣ и самъ я услужу,
И — Богатырь! когда позволишь
Тебѣ все дѣло раскажу.
Но прежде, добрый мой спаситель!
Пойдемъ ко мнѣ въ мою обитель,
Я шамъ предъ милостью твоей
Поставляю хлѣбъ и соль и щей,
Захочешь пить — я медъ имѣю,
И квасъ хорошій также есть. . .
„Ты мнѣ большую кажешь честь,
Я рѣчью удивленъ твоею
Сказаль Ушай ему въ отвѣтъ.
Ты, незнакомецъ, мнѣ загадка,
Хоть рѣчь твоя приятна, сладка,
Но ешьли шуть обмана нѣшь,

И отъ моей зависить власти,
Тебя избавлю отъ напасти.
Потомъ ко хижинѣ смиренной
Утая юноша повѣлъ,
Въ кошорой былъ дубовой споль
Холстомъ бѣлѣйшимъ, покровенный.
Хозяинъ госня посадилъ,
Самъ побѣжалъ скорѣй за щами,
Носилъ горшки онъ за горшками
У ай ихъ вѣ опорожнилъ,
Въ честь Богатырскому народу
Вѣдра съ четыре вышилъ меду,
Да въ пользу брѣуха своего
Онъ вышилъ квасу въ полъ сего.
Потомъ какъ всё уже поѣли,
Хозяинъ началъ на свирѣли
Выигрывать такія прѣли,
Что мой Ушай оцепенѣлъ
И выпуча глаза смотрѣлъ.
Хозяинъ потчасъ догадался
Какъ гость игрой его прельщался,
Свирѣль отбросилъ — началъ пѣшь,
Ушай не могъ шуть усидѣшь.
Обнялъ хозяина драгаго
О мой хозяинъ дорогой
Нѣшь имени тебѣ другаго.
Скажи, скажи: кто ты шакой? . .
— Скажу, герой премногочшимой
Лишь изцѣли меня отъ ранъ.
Соедини меня съ *Любимой!*
Я называюся *Боянъ.*

Во градѣ Кіевѣ родился,
Мной сей великій градъ гордился,
Онъ *соловьемъ* меня нарекъ,
Я былъ щасливый челоѡкъ.
Былъ при Владимирѣ при Князѣ,
Въ честиахъ, обласканъ и почтенъ.
Служилъ ему въ его Приказѣ,
Князь былъ игрой моею прельщенъ.
Онъ опличашъ меня старался,
Хоть Князь, но мнѣ онъ другомъ слылъ! —
Но я не долго щасливъ былъ,
Не долго жизнью наслаждался,
Я младъ — во мнѣ вспылала кровь —
И я почувствовала лѡбовь.
Въ одну влюбился я дѣвицу,
Румяну, бѣлу, кругло-лицу,
На ней жениться былъ готовъ,
Но было знашь судьбамъ угодно,
Иль строгой участи моею,
Чтобъ я на свѣтѣ жилъ безродно,
Въ ночь *воробьиною* Кащей
Безсмертный въ теремъ прилетаетъ
Къ моему *Любилѣ* дорогѣй,
Ее на спину полагаетъ,
Лешитъ — уноситъ въ теремъ свой.
Тутъ начались мои печали,
Какъ бѣшеный годъ бѣгалъ я;
Лѣса, вершины и поля!
Лишь вы одни мой спонъ слыхали!
Но наконецъ въ святой сей лѣсъ
Зашолъ я какъ-то ненарокомъ,

И думаю судьбой иль рокомъ
Быль остановлень путь мой здѣсь.
Мнѣ нѣкій голосъ неизвѣстный!
Но ушѣшительный, небесный!
Твое пришествіе предрекъ,
Остановися, человекъ!
Такъ молвилъ голосъ — ушѣшитель:
Любимы всея спаситель
Сюда чрезъ полгода грядеть,
Мракъ кончися — насанешъ свѣшъ,
Имѣешь имя онъ *Утая*,
Се будетъ Чудо — Богатырь,
И изъ яйца произшекая
Онъ удивишь собою мѣрь.“
И я въ восторгѣ, въ испуленьи,
Отколѣ гласъ былъ слышенъ мнѣ,
Я обратился къ той странѣ
Возданъ Богамъ благодаренье!
Построилъ хижину пошомъ,
Завася разными вещами,
И ушѣшаяся мечтами,
Свирѣблю, пѣснями, гудкомъ,
Такъ проводилъ сѣи полгода,
Ждавъ своего въ сей лѣсъ прихода:
Теперь ты вѣдаешь кто я,
И — повѣсть кончена моя,
„Боянь, сказала Ушай Бояну,
Ты будешь щасливъ не шужи,
Ушай свою излѣчишь рану.
Къ Кащею путь мнѣ покажи.
Сему *бѣзсмертному* Кащею

Настрою пысячу я бѣдъ;
Сорву съ него сухую шею
И брошу пшцамаъ на обѣдъ.
Недаромъ мать, сестрѣ, пвердила,
Сестра одна чпобъ не ходила —
Иль будетъ очень худо ей.
На свѣшѣ есть лихой Кащей.
Ушѣшшесъ жены и дѣвицы,
Опець, мать, дядя, мужь и брать,
Нѣшъ! *старой болѣе сшншцы*
Пшеницы красной не клевать.
Ушай пословицею сею
Свою рѣчь кончиль — замолчалъ;
Но что шо подъ носъ бормошалъ.
Болянъ, къ безсмертному Кащею
Ему пушь миной показаль.
Благодаршъ было собрался,
Но бормошанья испугался,
Красивы мысли расшеряль.
Не смѣль сказашъ Ушаю слова —
Ушай былъ очень разсержень.
Кащей — теперь судьба сурова
Тебѣ хорошій дастъ шрезвонъ!!

Мслевъ.

С т и х и

По полученіи Докторскаго Достоянства.

*Филлипка, въ два мига къ поршному мой мун-
дирь.*

Да вышьеть сребрены на рукавахъ пѣшлицы!
Дабы узналъ скорѣй подлунный, цѣлый мѣръ,
Что къ Докторской и я принадлежу станицѣ.
Се изъ школярства вдругъ на славы верхъ взне-
сень!

Забывъ мучительны и тяжкіе уроки,
Въ Дипломѣ лесныя теперь чишаю строки —
Завидный жребій мой съ чѣмъ можетъ быть
сравнень? —

Цари и Короли, Марграфы и Герцоги,
Хотитель, чпобъ сказаль всю истину я вамъ?
За ваши скипетры, не только *чорной тоги* (*)
Кусочка моего Диплома не отдамъ!!

Мслвчъ.

(*) Докторской мантіи или Докторскаго плаща.

3.

О Д А:

1816 года.

Въ день Ангела

Вольшой бы былъ я простачина,
Когдабъ тебѣ, Александрина!
Въ швой день стиховъ не написалъ!
Предстань ко мнѣ, Филипъ (*)! скорѣе,
Настрой мнѣ лиру повѣрнѣе:
Ужъ я давненько не игралъ!

—

„Что? что? Филипъ ужъ лиры спростить!“... (**)
Прошу меня не беспокоить,
Но дальше слушать, Господа!
Коль призываю я Филипку,
Не лиру разумѣю — скрипку,
И балалайку иногда!

—

На скрипкѣ — *у сосида хата*. . . .
На балайкѣ — *ей, ребята!*...
Двѣ эти пѣсни я бренчу.

—

(*) Слуга мой.

(**) Сей вопросъ очень напураленъ. Филипка досихъ поръ мнѣ
строилъ только балалайки, что можно видѣшь изъ
вѣкошорыхъ къ нему посланій.

И такъ прошу мнѣ не мѣшайте
Вопросами не докучайте
На верхъ горы я полечу!

Но не на Пиндѣ; а на *Холодну*, (*)
Я шпуку выброшу премодну!
Я на *Холодной* запою.
Гора *Холодна*, Пинда ниже,
Да и гораздо Пинда ближе —
Похвалишь шпучку всякъ мою!

Притомъ и по сказать мнѣ должно,
Что очень было бы безбожно,
Мнѣ Пиндѣ, *Холодной* предпочесть?
Гора *Холодная* воспруха!
Вокругъ нее вездѣ сивуха,
Начнешь стихи невольно плестъ!

Хотя истоки вы Каспальски
Всѣ выпьете — нималомальски
Не будете веселы вы.
Когдажъ ошкупщика сивухи
Вы выпьете, хоть поль-осьмухи,
Такъ не поднимете главы!

(*) Такъ называется въ Харьковѣ гора.

Но вотъ ужъ я и на *Холодной!*
Восторгъ великій, благородный,
Комическій, мой обнялъ духъ :
Я вижу домъ Александрины, (*)
Къ стопамъ бросаю *Райеки круины*, (**)
Прошу Юпитера я въ слухъ :

Дай Богъ, любезна Александра!
Чтобы печалей Саламандра
Бѣжала за сто верстъ ошь васъ!
Чтобъ вы лишь радости вкушали;
А мы бы мѣнѣе страдали
Ошь вашихъ *архимилыхъ* (***) глазъ!

Мслвчъ.

4.

Посланіе къ Еликурейцамъ.

(Отъ брата Еликура.)

Друзья почтенные! съ прискорбіемъ сердечнымъ
Вѣсть огорчительну брашь объявляетъ вамъ :
Проснитесь долженъ я съ весельемъ быспро-
печнымъ
И ѣздитъ переспать къ *красоточкамъ кумамъ!*

(*) Эпопѣ стихъ нелишний: съ Холодной горы видны всѣ
почти дома.

(**) Смол: Х. Д. 5 Но спашью 13.

(***) Чипашели! просните за такое неслыханное новое слово:
рифма и споца чего не заспавяшь сдѣлашь! М.

Прощай, любезна радость наша;
Рина Французскаго бушьяль!
И ты, огромна пунша чаша,
И Сербскій танецъ, и кадриль!
Оставишь нада васъ на время,
Прощай, братъ *Дмитрий!* братъ *Андрей!*
Хочу я философско съмя
Посѣять въ головѣ моей.
Хочу, короче, занимаюсь,
Забывъ на мѣсяцъ винный сокъ;
Во кучу книжну закопаться
И элошь испышать урокъ:
„Какъ хочешь, такъ ты умудрайся;
Смѣшной и жалкой человѣкъ!
А непременно собирайся
Окончишь свой дурацкій вѣкъ.
Хватай, хопъ звѣзды, братъ! мы съ неба;
И о безсмертьи говори;
А улырати тоби треба, ()*
Такъ лучше пей, да меньше ври.“
На что намъ въ жизни сей фигуры;
На что обманывать себя?
Смѣшны, ей Богу! балагуры
Всѣ философы для меня.
За чѣмъ желать чего не можно;
На что намъ Ангелами быть?
Мы *человѣки* — намъ и должно
По *человѣчьи*, брашцы! жить.
Смѣшныя Спойки! швердите

(*) Малороссійская поговорка.

Себѣ подобнымъ мудрецамъ:
„Одни коренья лишь ядите,
Чтобъ быть угоднымъ Небесамъ;
Одну лишь воду вы вкушайте,
Забудьте женскій хитрый родъ,
Какъ можно больше изнуряйте
Вы смертну, брэнну вашу плоть;
Одной душою занимайся,
Будь больше, нежели человекъ,
Побольше съѣзь себя старайся,
И пвой блаженный будетъ вѣкъ!“

Пускай при васъ *sic* блаженство,
Мы вамъ охотно отдаемъ:
Не ужъ ли это совершенство,
Когда себя мы плечью бьемъ?
Когда въ бесѣдѣ мы довольны,
Спокойны совѣстью и вольны,
Коль есть краса, вѣдиль и пьель,
Тогда лишь истинно живемъ.

Простите, братцы! я болтаю,
А право нѣкогда болтала,
Пустымъ лишь васъ я занимаю,
А нада къ дѣлу пристукала.
Скорѣй прощайшеса со мною,
Опорожнимъ скорѣй бупыль;
Останься вашимъ радъ слугою,
Пока во мнѣ не станеть силъ.
Еще прощайте, братцы! оба,
Вашъ другъ, слуга и *все* до гроба.

Мслочь.

5.

Разладъ Омегина съ Зенитовымъ.

Омегинъ. (Увидя Зенитова, въ сторону.)

Какой бы пощій иксъ на встрѣчу мнѣ пащился?

Зенитовъ. (Увидя Омегина, также въ сторону).

Какой сюда медвѣдь Сибирской привалился?

Омегинъ.

Скажи, величина! откуда ты, и что?

Зенитовъ.

Скажи-ка, *людовѣдь!* причину мнѣ, почто
Толико дерзосшно меня ты вопрошаешь?

Иль съ *Альбиносами* меня не распознаешь?

Омегинъ.

Фигурина своя, изъ всѣхъ *фигуръ* уродъ,
Причиною была, что я опкрылъ свой рошъ.

Зенитовъ.

Хотя здѣсь близко нѣтъ ни *Мелфиса* ни *Нилѣ*;

Но вижу я въ тебѣ престрашна *крокодила*;

Подобной гадизы въ *Европѣ* не видашь:

Знашь ты изъ *Африки* изволилъ прискакать?

Омегинъ.

Ты безъ *пропорци* рошице разѣваешь

И *Периферию* губами представляешь;

Иль хочется тебѣ, чшобъ я на лбу своемъ

Сей палицей рѣшилъ десятокъ *теоремъ*?

Однакожь я тебя принужу согласиться,
Что съ *минусомъ* отнюдь не можешь *плюсъ*
ужиться:

Ты *минусъ* — а я *плюсъ*; но та *величина*,
Что съ *положительнымъ*, *массиснѣй* создана.

Зенитовъ.

Изрядное, сударь! сварганилъ ты сравненье!
Убрался бы ты съ нимъ въ *Курильское селенье*;
И циркулемъ своимъ безмозглымъ *дикаремъ*
Чинилъ бы правильной размѣръ худымъ ладьямъ;
Дельфиновъ бы считалъ, *тюленей* въ *Океанѣ*...
Я чаю, ты слыхалъ о славномъ помѣ болванѣ,
Колоссѣ, въ старину что въ *Греціи* споялъ,
И корабли межъ ногъ большіе пропускалъ:
Великъ болванъ-та былъ, да мозгу не бывало;
Межъ нами сказано, въ тебѣ пожъ мозгу мало.

Омегинъ. (Съ гнѣвомъ.)

Когда бы я рычагъ въ рукѣ своей держалъ,
Тебя бы плотно имъ за дерзоснѣ наказалъ:
На *плоскости* спины, на скулахъ безобразныхъ,
Миллионыбъ начерпилъ *линей* разнообразныхъ,
Изъ носа сдѣлалъ бы ужасной *полигонъ*,
И лишнихъ на бокахъ прибавилъ бы споронъ;
Рѣша на лысинѣ искому *квадратуру*,
Исправилъ бы твою *неправильну* фигуру...

Зенитовъ.

Когдабъ на мѣстѣ семь высокой пополь росъ,
Или *Уральской кедръ*, иль *Индійской кокосъ*,
Или хотя бы *дубъ* *Россійской* уродился,
Желалъ бы я, чтобъ ты на ономъ удавился...

Однакоже нойпи на каршѣ поискать
Дальнѣйшихъ острововъ, кудабъ тебя сдслашь.

Олегинъ.

Сступай, а я межъ тѣмъ примуся за счисленье,
Ударовъ сто тебѣ гошовлю въ награжденье,
И ихъ съ фигуροю швоею я сличу;
А послѣ на спинѣ задачу ту рѣшу!

(расходятся).

О. Соловъ.

6.

Орангутангъ и Лисица.

(Баснъ.)

Ну! назови ты мнѣ какую хочешь птицу,
Иль звѣря, коемубъ не могъ я подражать?
(Такъ вопрошалъ Орангутангъ Лисицу)
А ты мнѣ можешь ли назвашь
Хотя не звѣря, поросенка,
Которой бы хотѣлъ тебя перенимать?
Лисица Веллингшонъ, а обезьяна *Бонька.*

Мслчъ.

7.

Балалайшная пѣснь.

(На Мирь 1815 года.)

И. Д. К.

Почтенный Книгинь! пы хотѣль,
Дабы я проигралъ на лирѣ;
Но балалайка мой удѣль,
И я брянчу на ней о Мирѣ.
Владѣеть лирой лишь Пиндарь,
А мнѣ какъ съ Грекомъ симъ сравнисься?
Притомъ же къ лирѣ нуженъ жарь,
А слѣдственно и чадъ и ларь,
Такъ голова и разболишь!
А голова когда болишь,
На свѣтѣ все равно не жить;
Такъ лучше съ лирой не дружишься
 Позволь Масловичу, чшобъ оць
Такъ, какъ глава *Рифмачей шайки*,
Тебѣ поднёсь не лиры звонь,
А звуки хриплой балалайки!

Балалайшная пѣснь.

Филипъ! гдѣ наша балалайка?
Возьми ее, да заиграй-ка,
Хоть *Барышко*, хоть *Третьяка*;
А я возьмуся за бока,
По Руски или по Хахлацки
Раза два, при, пройдуся хвашки!

Потомъ бумаги пригошовъ:

Въ воспоргѣ я пишу гшовъ.

Опять вселенной Миръ дарованъ!

Наполеонка пойманъ, скованъ,

На край земли его везушь!...

Скажи, Филипка! мнѣ какъ туть

Твой баринъ можешь удержишься,

Чтобъ не запѣшь, не расплясаться?

Ну! такъ, Филипъ! играй, играй,

И гоцоцо припѣвай!

Короче, будь мнѣ Аполлономъ,

И хриплымъ балалайки тономъ

Мои пы уши восхищай.

Евтерпа будешь пусть Параска,

Ну! вошь и музыка и пляска!

Филипка балалайку взялъ,

И ужъ брянчить и припѣваетъ;

Моя Евтерпа выступлетъ...

Я шоже праздно нестоялъ.

Параску шучну взялъ за руки,

Выбрасывалъ часъ съ нею шуки!

Теперь въ попу и изнурень,

На креслѣ важно отдыхаю,

Кленовой лиры строю понъ,

Воспѣшь я Миръ предпринимаю.

О Миръ! ты съ самыхъ первыхъ лѣтъ

Похожъ на вѣтренную моду:

Вдругъ есть, потомъ мгновенно нѣтъ;

Не радость Миръ такой народу.

Пожалуста, красавчикъ Миръ!

Пребудь у насъ хоть Ноя вѣки,

Чтобъ отдохнуль подлунной Мірѣ,
Щасливѣй стали человѣки.

Когда захочеть Бонька къ намъ
Пожаловать къ несчастнымъ въ гости,
Сердитымъ повели волнамъ
Сокрыть его въ пучину кости.

Уже, ей Богу! мочи нѣтъ
Лишь жечь, колоть, стрѣлять, рубиться;
Я вѣришь не хочу, чтобъ свѣтъ
Не могъ безъ брани обойшиться.

• • • • • , • • • • •
• • • • • ; • • • • •

8.

Ученость въ Парадѣ.

Се вся ученость нынѣ по формѣ нарядилась,
И прицѣпивъ къ бедру шпаженку, прибодри-
лась!

Смотри, какъ храбро *иксѣ*, со шляпой подъ пле-
чомъ,

Къ параду выступилъ, какъ гранодеръ съ
ружьемъ;

Стряхнувъ съ себя шабакъ, и пыль, и паушину,
Онъ вздернулъ съ гордостью задумчиву ли-
чину.

Смотрише! шествуетъ въ сребристомъ блескѣ
газъ,

Какъ Зевсъ во облакѣ фосфорномъ къ намъ не-
сясь.

Дивитесь пышности, наряду магнетизма,
И величавости утрюма силлогизма.
Въ веселья Каншицизмъ шамъ изъ болфорть
порчить,

Какъ франтъ по улицѣ Эстетика лешипъ.
Смотрите странную и рѣдкую фигуру,
Смотрите пляшущу кадриль Литтературу!
Парадный видя сей, ученый Легионъ,
Въ тупикъ бы кажется Виргилій сталь Ма-
ронъ,

Рафаель, Апеллесъ шпандарть бы прекло-
нили:

Они вишь маляры, а не Гогаршы были.

9.

К ъ ф о р т у н ѣ.

Ну, фортуна! я съ тобою
Примиряюся шеперь
Ты мнѣ на главу надѣла
Славный Докторскій колпакъ!
Но, фортуна! я умѣю
Благодарнымъ бышь и самъ;
Ты не видишь, ты слѣная,
Я же Докторъ, и въ моей
Волѣ пилы и пилюли,
Красны, бѣлы порошки,

Разны правки и муравки:
Спану думашь день и ночь,
Какъ бы бѣдненькой форшунѣ
Вставить зрячѣ глаза!
Но однако я заврался:
Вошь и видно по всему,
Что я Докшоръ настоящей!
А вѣтъ Докторовъ удѣль,
Обѣщашь какъ можно больше,
Не исполнишь ни на грошь!
Вѣдь судьбой опредѣленно,
Члѣбъ форшунѣ быть слѣпой!
Какъ же, какъ же мнѣ возможно
Щастіе зрѣнїемъ снабдить?
Ну, форшуночка! проси же,
Объяснїлся я не такъ;
Я хощѣлъ сказать суларка!
Вотъ что милосши твоей:
Что въ твои глазныя ямки
Вставлю пару кашышковъ,
Изъ чудеснаго состава:
Будушь лучше глазъ они!
Хоть они и непрозрачны,
Барышня! но вѣрьше мнѣ,
Actio ихъ будешь таже,
Pariter отъ Зевса глазъ!
Вотъ какой рецептъ, форшуна!
Сочиняется для васъ:
Мази я *благодарзумья*
Взять желаю цѣлый гранъ;
Осторожности два грана,

И прибавя порошокъ
Подъ названьемъ *дальновидный*,
Весь с славъ смѣшаю я,
Славнымъ сокомъ *постоянства*
Хорошенько оболю,
И изъ этой ужь лепешки
Два шара я сотворю.
Кажется, что будетъ можно
Этимъ очи замѣнить.
Вижу многіе Вельможи
Смотряты волкомъ на меня:
О! конечно, всѣмъ щастливцамъ,
И случайнымъ будетъ *матъ*,
Коль, fortuna! ты узнаешь
Всѣ погрѣшности свои.
Кто чрезъ женочку смазливу
Получилъ себѣ чины,
Ордена и денежонки,
Скажетъ *щастье баста пѣмъ*,
Кто сначала чрезъ поклоны,
Черезъ лестъ и язычокъ,
Высоконько взгромоздившись;
Спаль потомъ надушь, спѣсивъ;
И тому fortuna пѣсню
Баста, баста запоётъ;
А подъ случай, чтобъ и въ Бурю
Не оправила назадъ!
Словомъ, вамъ лишь, добры люди!
Вамъ, достойные умы!
Вамъ однимъ начнеть fortuna
Изливать свои дары.

Но сѣ тогда случится,
Какъ составляю я шары;
А на это мнѣ пошребно
Миліонъ и больше лѣшъ!!

Мсль.

Ю.

М е р з и л к и н ъ

и л и

*Рускій выродокъ превратившійся въ офран-
цузженную гадину.*

Правдиннѣ! хочешь ты, чшобъ красками жи-
выми

Я смѣлой кистію потъ гадъ изобразилъ,
Который краской и прелестями своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ, ни въ лужахъ, безъ со-
мнѣнья,

Нѣшь твари сполько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискать,
Ктобъ гнусностью его моъ перещеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развелись въ ней гадины шакія?
Великой матерью моглиль бытъ рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?

Не Руская душа, не храбростьъ въ нихъ Ге-
ройска,

Душишка мѣлкая и подлосшь въ нихъ заморска;

Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,
Забышь къ отечеству привязанности долгъ!

Не честь ихъ движешь, нѣтъ! ихъ мучишь
то сердचितки,
Чтобъ свѣтъ зналъ, что они Французскіе мар-
шышки.

На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій
примѣръ?

Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеры?
А какъ прибѣгнушь пожъ къ Французскимъ и
Мамзелямъ,

Которы свѣтъ прошли шаскаясь

И всяку всячину видали надъ собой,

То нужно ли искашь науки ужъ другой?

Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся

И надъ невѣжествомъ Россіянъ насмѣхайся,

Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хра-
няли,

И что всего глупѣй, по Руски говорили!

— *Fi donc!* какъ варварскій языкъ сей грубъ, не
складень!

Французскій *au contraire* божественъ, деликатень.

Когда бы намъ Монархъ издалъ такой законъ,

Чтобъ по Французки вралъ всякъ Руской *du*
bon ton,

Чтобъ иначе болтать не смѣли бы Дворяне!

А еслибъ свой языкъ забыли и мѣщане,

И самый наконецъ пренудный нашъ мужикъ

Французскій полубиль пренѣжный толь языкъ:

Какія бы времена блаженные настали!

Мы офранцузившись гугнявили все бы смѣли.

И въ просвѣщеніи явилибъ шѣмъ успѣхъ,
Что въ вышней степени былабъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То естъ, ни вѣрности къ Царямъ, ни къ Богу
вѣры,

Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда,
У новыхъ Россіянь не сшало бы тогда!
Не поли самое, жеманясь по Французски,
Насвистываешь ты, *Мерзилкинъ!* про себя?
Не часполъ ропщешь ты, что швой отецъ былъ
Руской,

И что не *санкюлотъ* пустилъ на свѣшъ тебя?
Послушайка, Мусье, не господинь, Мерзилка!
Не лай на Рускихъ ты, французить позабудъ;
Ты вспомни наконецъ, что естъ въ Россіи кнушъ,
Что не минеть тебя въ Парижъ Камчатской
ссылка.

На лыжахъ щеголяшь какъ спанешь по снѣгу:
Скажи тогда себѣ: *команъ-ву-портеву?* —
Нахимовъ.

II.

Основаніе Харькова.

Глава вторая.

Пріятно въ зимній вечерокъ,
Коль у огня друзья полкругомъ
Сидяшь, и куряшь табачокъ,
И шочаешь балы за досугомъ.

Лисбезность, искренность; любовь,
У нихъ въ бесѣдѣ засѣдають;
Изъ нихъ тамъ каждый безъ чиновъ,
Тамъ ближняго не обижаютъ,
Тамъ истинна веселость ешь,
Никто въ бесѣдѣ ихъ не связанъ.
Вельможи! что мнѣ ваша честь?
И къ вашей жизни не привязанъ;
Когда со мной мои друзья,
Когда имъ сказываю сказки,
Ненадобны мнѣ ваши ласки,
Царей тогда щасливѣй я!
Не шакъ ли, другъ почтенный Дмитрій?
Не пожелъ скажешь, бранъ Андрей?
Хоть будь въѣнцомъ украшенъ, мипрой,
Но ешьли нѣтъ съ тобой друзей,
Твой жребій стоить сожалѣнья.
Ахъ! какъ тогда на свѣтѣ живъ,
И съ кѣмъ, скажите, раздѣлишь
И радости и сокрушенья?
Но бранъ мнѣ Дмитрій! говоришь:
За чѣмъ, Масловичъ! ты болтаешь,
За чѣмъ известное твердишь,
А повѣсти не начинаешь?
Сей часъ, лисбезный мой! сей часъ,
Имѣй корешкѣ терпѣнье:
Дай мой исправлю грокомъ гласъ,
И ты мое услышишь нѣнье.

Знать таки пришли вже годы .
Щобъ веселыль бѣты годи!
И не можно челоюку
Безъ наласти кон.ить вѣку.

Що моя Гапуся робе?
Мабуть доси вже во гроби!
Мабуть доси Ангелочикъ
Иі душу взялъ въ Райчикъ! (*)

Яквѣ, бѣдна сиротина!
Муче зла тебѣ година,
Гоне, рѣже и терзае,
Съ любой Галкой разлучае!

Сдилай милость, смилуйсь долю!
Прогоны вить мене болю!
Потишь мое, порады сердце,
Ему гирько такъ, якъ въ перци!

Колы буде твоя воля,
Що потишишь мене, доля!
Мабуть я и верочуся,
Поживу съ тобой, Гапуся!

Люба Галко! не журися,
Лучше Господу молися,
Мабуть я и верочуся,
Поживу съ тобой, Гапуся!

(*) Пресподюдимы думаютъ, будто бы предъ смертію праведнаго прилетаетъ Ангель за его душою и уноситъ ее въ рай, а душу грѣшника шацапъ Ангелы въ адъ или: по ихъ нарѣчію, въ пекло. М.

Такъ пѣлъ горе-богатырь,
Мечтой услаждался,
Лошадь въ Куряжѣ монастырь (*)
Гнать скорѣй спарался,

Потому, что дождь и громъ,
Вѣтеръ, градъ и молнья!
Вошь ужь видень Божій домъ,
Волъ и колокольня!

Бѣдный Яковъ весь измокъ,
Въ ворота спучился,
Но на воротахъ замокъ;
А монахъ боится!

Громъ сильнѣй межъ тѣмъ гремишь,
Ударь за ударомъ;
Яковъ пожь сильнѣй спучишь,
Всѣ однако даромъ.

Ошъ него не вдалькѣ
Дубъ гнилой свалился;
Больно Якова рукѣ:
Онъ спучаль, крестился.

Бѣдный горе-богатырь!
Всюду неудача,
Не пускають въ монастырь,
И убита кляча!

(*) Ошъ Харькова въ девяти верстахъ находился Монастырь
называемый Куряжскимъ.

Яковъ жалкѣй во слезахъ
Лошадь обнимаетъ;
Слышишь спукъ давно монахъ,
Да не опираетъ.

Ошъ чего свяшой монахъ
Вратъ не ошворяетъ?
У кого мешалль въ рукахъ,
Громъ тѣхъ побиваетъ.

Члобъ вороша опшеретъ
Нада ключъ железный,
А какъ вдругъ начнетъ гремѣть,
Вѣкъ и кончи слезный.

Пусть прохожій подождетъ,
Къ намъ рубашка ближе,
(Былъ монаховъ всѣхъ совѣшь:)
Яковъ! подожди же.

У кого свяпы опцы
Физикѣ учились?
Въ ней большіе хипрецы
Они учинились!

Не задолго передъ симъ
Гостъ монахъ согбенный,
Нареченный Еронимъ,
Здѣсь былъ угощенный.

Слава года три почти
Объ немъ разносима:
„Будетъ Еронимъ иди .
Изъ Брусалима.

Онъ желаетъ посѣпшишь
Каждую обитель,
Въ нѣкъ молебны отслужить,
Чтобъ преспиль Спаситель!“

Баба между тѣмъ Молва
Свое говорила:

„Еронимъ, свѣта глава,
Гдѣ ни проходила,

Сстроишь всюду чудеса,
Больныхъ ицѣляешь,

Онъ незрячимъ очеса
Зрячія вставляетъ!

Онъ грѣяшенъ Небесамъ,
Святъ и преподобенъ!

Чуть ли не Никола самъ,
Иль ему подобенъ!“

Сей по славный Еронимъ
Пробылъ часъ здѣсь лишку

И хозяевамъ своимъ
Далъ въ подарокъ книжку:

Какъ себя остерегать
Отъ грома и молнии:

Яковъ! нада подождатьъ
Подлѣ колокольни!

Переспаль сердить я громъ,
Молнья не блистала,

Литсья дождь преспаль ведромъ:
Всѣ какъ прежде стало.

Лишь гнилаго дуба нѣтъ,
Нѣтъ коня: убитый!
Да нашъ Яковъ не согрѣшь
И еще сердитый!

Вороша м. настыря
Наконецъ отъкрыли;
Мокраго богатыря
Наконецъ впустили.

Обсушили памъ его,
Славно накормили,
И за это ничего
Съ рыцаря не сбрили!

Есть обычай на Руси:
Въ хижинѣ и въ кельи
Странникъ, что ни попроси,
Пить ли, ѣсть, постѣли;
Всѣмъ хозяинъ радъ служить;
Се черпа народа!
Вопь чего искоренить
Не успѣла *Мода*!

Яковъ у опцовъ гостилъ
День лишь съ половиной,
Два молебна отслужилъ,
Въ путь пошелъ съ кручиной.

Ужъ шестой онъ день идетъ,
Крымецъ вдругъ на встрѣчу
Ѣдетъ гордо и превешъ:
Дай у линимъ съчу!

Ахъ ты мерской бусурманъ!
Яковъ восклицаетъ;
Трогашъ смѣешь Христіанъ,
Въ сердцѣ продолжаешь;

Нажился знашь въ жизни сей!
Вопь шебѣ подарокъ!
Жонъ, проклятый! не имѣй
Четырехъ Ташарокъ.

Послѣ, гордаго пронзиль
Въ самую печонку,
И съ послѣдностью вскочиль
На его клячку.

Тутъ хотѣлось покривить
Рыцарю душою,
Но Ташадинъ былъ обривъ,
А не съ бородою.

Хоть не хочешь, но вперѣдъ
Скачетъ по неволѣ;
Какъ на зло ему, бородъ
Нѣшу въ чистомъ полѣ.

Скачетъ день, и день еще,
Полонъ нетѣрпенья,
Ищеть бороды воцще....
Видишь лишъ каменя. (*)

(*) По Екатеринославской дорогѣ видно и теперь множествъ
безобразныхъ каменныхъ спашуй.

Кончим здѣсь вторую часть,
Замолчимъ, ни слова!
Коль случится намъ попастьъ
Въ журналисты снова,

Слово вѣрное даемъ
Кончить бѣдныхъ муки:
Въ третьей части допоемъ
Якова всѣ шуки.

Мслевъ.

Продолженіе впередъ.

II.

ПРОЗА.

12.

Письмо Русскаго Солдата.

Когда я просилъ у васъ совѣща, можно ли мнѣ, не такъ какъ крипику, а какъ просто мыслящему солдату, открывъ мысли свои о журналахъ, въ то время я не воображалъ, что напечатавъ письмо мое вы обяжете меня нѣкопорымъ образомъ выполнишь сіе намѣреніе. Признаюсь, что я даже забылъ о немъ до пѣхъ перъ, пока (и то довольно поздно) не взялъ вашего журнала въ руки. Но теперь вижу — надобно что нибудь сказать. *Журналъ* великое слово! я объ закладъ бьюсь, что не всякой, кто ихъ читаетъ, понимаетъ значеніе слова, а естли и думаетъ, что понимаетъ, то (какъ говорятъ) навыворотъ. На примѣръ, начиная съ самаго издавля: онъ печатаетъ въ мѣсяць, въ пѣмѣсяцѣхъ, много, въ недѣлю нѣсколь-ко листковъ всякаго сбора ет. прозѣ и въ стихахъ ходячихъ прямо и хромыхъ, и называе шь свои листки журналъ. Я совѣщовалъ бы ему сходить въ полковую канцелярію (другихъ я не знаю и буюсь какъ

язвы) и спросишь у писаря, что значить журналъ? Онъ ошѣчалъ бы ему: Г. М. журналъ есть ежедневная записка всѣхъ бумагъ полученныхъ и отправленныхъ. Опшуда пожалуй пущь зайдешь къ купцу, казначею и проч. и спросишь у каждаго, что въ журналѣ онъ записываетъ? Тамъ покупку и продажу, тамъ приходы и расходы, ученой свѣженныя мысли, волокиты (*) имена новыхъ знакомыхъ мало заботящихся о его знакомствѣ, лѣкарь домы паціентовъ; да я и конца бы не нашель журналамъ, ш. с. дневнымъ запискамъ (а мнѣ кажется М. Г. журналъ иначе перевести нельзя): ихъ не тысяча одичь, а безъ числа. И шакъ, кончится я спашья шѣмъ, что есѣ помни шакъ называемые журналы не суть журналы, а мѣсячники, полу-мѣсячники, недѣльники. За симъ слѣдуетъ: на какой конецъ си мѣсячники и проч. выходить на свѣль? Здѣсь я скажу, что выдумка журналовъ

(*) Подъ симъ словомъ я разумѣю шого, кто въ одинъ день обѣгаетъ шѣлой городъ, и по шеволѣ къ вечеру ошъ успалости волочатъ шого. Едва ли не приличнѣе сіе название шакого сорла шадля, а не шѣмъ, кому оно обыкновенно дашся; до шазательствъ шакъ несправедливо иногда названия изображаютъ вещь.

есть прекрасное, неподобное дѣло. Не кшапи бы мнѣ говорить по ученому, но нельзя миновать, чшобъ не сказать чего нибудь о ихъ началѣ: всѣ почти приписываютъ Франціи и Гну Сало, Совѣшнику Парижскаго парламента, изобрѣшеніе журналовъ шаковыхъ или подобныхъ, какъ мы ихъ видимъ. Онъ началъ издавать въ 1665 году журналъ ученыхъ: (*Journal des Sçavans*). Самое названіе, кажется, показывается, что ученые, истинные или самозванные, присылали къ издашелю свои сочиненія или замѣчанія. Предо мною лежатъ книга, изъ которой могъ бы я написать всю исторію журналовъ отъ ихъ сошоренія до сего дня; но судя по себѣ я знаю, какъ несносно читаешь вздоръ безъ вкуса и безъ соли для шого только, что онъ пахнетъ ученостію. Намѣреніе мое сказать слова два о пользѣ журналовъ (каковы они ни есть), да и шуть бѣда! объ нихъ шакъ много писали, что писалъ ничего не осталось. Объ иномъ журналѣ говорить иногда слишкомъ много, но тогда рѣдко отдають ему должную справедливостъ; а о другомъ совсѣмъ ничего не говорятъ: это еще хуже! Но послѣ всѣхъ суждений и пересудовъ

журналы останутся пріиспольною и пріиспольною каждому любіисполь просвѣщенія выдумкою. Журналъ не для вѣчноспи; одно имя и намѣреніе его оправдываетъ. Я сказала бы Гмъ свирогамъ кришикамъ: „Государи мои! какъ вы объ шомъ подумаете, кшо слушая умнаго и веселаго челоѣка, кшпорой своими разговорами науча шь и забавляетъ собраніе, съ педашискою важностію подшнупись къ нему и скажетъ: вы говорите умно и пріиспольно, но позволите вамъ замѣшисъ, кшо вы не всегда говорите шо, чего мнѣ кочешся; вы говорите кшпаша, но это чрезъ нѣсколькѣ времени не будетъ больше кшпаша; иногда вы говорите о предмѣшпахъ, которые я не очень понимаю; вы дѣлаете наставленія бышь сосградашешельнымъ и челоѣколюбивымъ, а я не всгда бываю къ шому расположень; вы смѣшисше другихъ осмѣивая меня: за шо я вамъ вѣчно не прощу и буду ругашь ваши разговоры пока доспанешъ у меня горшани. „Я слышу, кажешся, ошвѣшъ сего почшеннаго челоѣка: „мой другъ! по долгу хриспїанспва и челоѣчеспва я сожалѣю о вашей горшани и даю вамъ дружеской совѣшъ никогда меня не слушатъ.“ Не шаковы ли

критики журналовъ? Всякой знаетъ, что въ нихъ есть слабыя піесы, да и крипики не безъ слабостей. Что касается до меня, по совѣсти вамъ скажу, что съ сердечнымъ удовольствіемъ я читаю многія піесы въ Украинскомъ Вѣстникѣ (*): сипаринныя извѣстія о родной споривѣ и самыя малоажныя должны быть каждому милы, естли онъ не болванъ деревинно - иноспранной; видѣшь успѣхи благошворительности и просвѣщенія въ опечестивѣ еще милѣе; даже престо лиишпературныя піесы многія очень занимаельны. За часъ предъ симъ съ сладкомъ чувствомъ я читалъ піесу Юстинъ или доброй братъ: чегожь вамъ хочешся, Гда спроеге крипики? Вы можете и смѣяться и плаканъ съ удовольствіемъ, а всё ворчите; естлижъ вы ни плаканъ ни смѣянся не можете опъ добраго сердца, а шолько судорожно, совѣшную вамъ не читають не шолько журналовъ, но и Бовы Королевича. Простите, Мил. Гос. спѣшу къ должностпи, пишу наскоро (**);

(*) Гнъ издатель и всякой читатель догадается, почему я не хвалю Демокрипа.

(**) Прошу покорнѣйше сдѣлать замѣчане, что для журналовъ писанъ на скоро есть вещь просвительная: кле

надобно было что нибудь написать, а теперь уже не число. Позвольте сделать также последнее прощальное почтение вашему журналу, к которому, какъ я слышалъ, кончаешься. Поздравляю васъ съ освобожденіемъ отъ тяжкаго ига, и честь имѣю быть

Вашимъ истиннымъ почитателемъ и покорнѣйшимъ слугою

Руской Солдатъ.

захочетъ прудиться по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ знавши наѣво, что пруды его чрезъ недѣлю будутъ лежать въ табачной лавкѣ, а много что подъ лавкою.

Хорошая и дурная нога.

(Изъ Франклина.)

Въ свѣтѣ есть два рода людей: имѣя одинакое здоровье, одинакое богатство, одни бывають щасливы, а другіе нещасливы. Это происходитъ по большой части отъ различныхъ пороковъ зрѣнія, подъ которыми разсмапривають вещи, людей и происшествія, и отъ дѣйствія, какое сія разность производитъ въ ихъ душѣ.

Люди, въ какомъ бы ни были положеніи, могутъ имѣть пріятности и невыгоды; въ какомъ бы обществѣ ни находились, могутъ найти людей съ большею или меньшею любезностію; за какимъ бы споломъ ни сидѣли, имъ подають кушанья и напитки лучше или худшіе, блюда хорошо или худо пригошвленныя; въ какой бы землѣ ни жили, у нихъ бываетъ хорошее и дурное время; подъ какимъ бы ни находились правительствомъ, имѣють хорошіе и худыя законы, и сіи законы могутъ быть исполняемы хорошо или худо; какую бы поэму или счиненіе генія ни читали, могутъ видѣть ошибки, красоты и недоспапки; наконецъ на всѣхъ почти лицахъ, во всѣхъ почти людяхъ, можно

усматривать черты тонкія и черты несовершенныя, качества хорошія и худыя.

Въ такихъ обстоятельствахъ два рода людей, о которыхъ мы говорили, принимаютъ различныя впечатлѣнія. Которые расположены къ счастью, и въ обращаютъ вниманіе на одно пріятное въ вещахъ и веселое въ разговорахъ, на хорошо приготовленные блюда, на вкусныя вина, на прекрасное время, и наслаждаются съ удовольствіемъ; которымъ же назначено судьбою быть несчастливыми, тѣ примѣчаютъ противное и ни о чемъ о другомъ не разговариваютъ, оцѣ чего они всегда недовольны и печальными своими замѣчаніями возмущаютъ удовольствіе общества, оскорбляютъ многихъ и дѣлаются въ пятюсть вездѣ, гдѣ бываютъ.

Если бы такія склонности несчастные получали оцѣ природы, то они достойныбы были великаго сожалѣнія. Но какъ расположеніе крипиковать, находишь во всемъ худое, появляешься, можешь быть, сперва оцѣ подражанія и непримѣтнымъ образомъ превращаешься въ навѣкъ, то извѣстно, что имъ можно избавиться оцѣ привычекъ, какъ скоро они будутъ увѣрены, что онѣ нарушаютъ ихъ спокой-

ствіе. Надѣюсь, что сей маловажный со-
вѣтъ будетъ для нихъ небезполезенъ, и
они откажутся отъ такой скл инности,
к шораю, хотя внушаема воображеніемъ,
имѣеть невыгодныя слѣдствія въ продол-
женіе жизни и причиняющъ печаль и бѣд-
ствіе истинное.

Никто не любитъ ругателей, кото-
рые всякому готовы наносить обиды. За
то съ ними всегда обходятся съ холод-
ною учтивостію; не рѣдко даже и въ
этомъ оказываютъ имъ, что самое оже-
сточаешь еще болѣе ихъ и досаждаютъ
имъ какъ бы случай къ сильнымъ спорамъ
и ругательствамъ. Если они желаютъ
заявить важныя должности и умножить
свое имѣніе, никто не принимаетъ уча-
ствія въ ихъ успѣхѣ, не дѣлаетъ ни шагу
и не скажетъ ни слова въ ихъ пользу.
Если получаютъ отъ кого укоризны
или подвергаются какому нибудь неща-
стію, никто не захочетъ ни защищать
ихъ ни оправдать. Напротивъ, множе-
ство непріятелей осуждаетъ ихъ п спуп-
ки и всячески старается привести и въ
совершенную ненависть. И такъ, если
они не перемѣняютъ навыка и не удоспои-
ваются почитать прекраснымъ то, что

въ самомъ дѣлѣ прекрасно, безъ всякаго огорченія, какъ для самихъ себя, шакъ и для другихъ; по всякой должень избѣгать ихъ: ибо мы всегда вспрѣчаемъ неприянности, естѣли имѣемъ соотношенія съ шакими людьми, особливо естѣли къ несчастію бываемъ замѣшаны въ ихъ ссорахъ.

Одинъ старой философъ изъ друзей моихъ чрезъ опытность сдѣлался слишкомъ недоуврчивъ къ шакимъ людямъ и всячески старался неимѣть ни малѣйшей связи съ ручапеями. У него, какъ и у прочихъ философвъ, былъ термометръ, по которому узнавалъ онъ степень теплоты въ атмосферѣ, и барометръ по которому напередъ зналъ, каково будетъ время, хорошо или дурно. Но какъ не изобрѣли еще шакого инструмента, по которому можно бы было, при первомъ взглядѣ, узнать какой кто имѣеть характеръ, въ шакимъ случаѣ мой философъ пользовался ногами. У него одна нога была очень хороша, а другая крива и безобразна.

Естѣли онъ въ первый разъ видѣлъ человека, которой болѣе смотрѣлъ на кривую ногу, нежели на прямую, то онъ

не довѣрять ему; а ешьли эптошь чело-
вѣкъ, говоря съ нимъ о дурной его ногѣ,
не сказываль ничего о хорошей; по не
нужно ему было никакого доказательспва;
и философъ не имѣль съ нимъ болѣе ни-
малѣйшей связи.

Не у всякаго изъ насъ ешь споль
прекрасный двуножный барометръ. Но вся-
кой, употребивъ небольшое вниманіе, мо-
жешъ примѣчать признаки шакого худаго
разположенія, изыскивать ошибки и рѣ-
шился избѣгать знакомспва шѣхъ, копо-
рые, по нещаспію, имѣють шакія слабо-
спи. И шакъ, я совѣтую симъ язвитель-
нымъ, злымъ, недовольнымъ людямъ, не
смотрѣшь на кривую ногу; если они хо-
тятъ заслужишь уваженіе, бышь люби-
мы и жишь щасливо.

III.

С М Ъ С Ъ:

I.

Пѣвецъ во станѣ Еликурейцовѣ.

Друзья собранье усладимъ,
Вино спойшь предъ нами,
Дай два вѣдра опорожнимъ,
Украсимся вѣнками!

Кому судьбою здѣсь дано,
Возможныя всѣ средства,
Чтобъ пить хорошее вино,
Такъ шопъ не знаешь бѣдства:

Пустое полно говорить,
Забудемъ плуша *Боньку*. . . .
Не лучшесть намъ винца налишь
И выпить полегоньку?

Тебѣ сей кубокъ *голова*
Цѣши швое здоровье!
Ты наши выслушай слова
И подпиши условье:

Ты яко первый шѣла членъ,
Будь намъ пишня примѣромъ:
Теперь съ побой контрактъ свершень;
Не смѣй бытъ лицемѣромъ!

Х о р ъ

Теперь съ побой контрактъ свершень;
Не смѣй бытъ лицемѣромъ!

А ты почтенный нашъ
Ты мудрый нашъ поитель!
Будь весель духомъ и здоровъ
И будь намъ Предводитель!

Х о р ъ

И будь намъ Предводитель!

А ты любезный нашъ Иванъ,
Хоть пуншу пить не любишь;
Но дай тебѣ вина спаканъ,
Ты пишь усердно будешь.

Всегда ты эдакъ поступаи:
Ты слава всѣхъ Ивановъ!
Скорѣ Дмитрій наливай.
Здорово Т.

Друзья, кто можетъ позабышь,
Почтенна М.
Такъ долженъ пошь принаровишь
Себѣ сїи два слова.

Извольте слушать вотъ онѣ:
Кто здравье пить его не буденъ,
Такъ пошь приверженъ саманѣ
И добрыхъ пошь не любить!

Х о р ь

Пѣвецъ, слова твои напрасны,
Мы выпишь въ честь его согласны.

Теперь пришла чреда твоя,
Полковникъ храбрый
Ты жить не хочешь для себя;
Не любишь барскихъ вздоровъ.

Твое здоровье залпомъ пьемъ:
Живи на многи лѣша!
Тебѣ въ честь пѣсни мы поемъ,
Живи твоя!

Х о р ь

Твое здоровье залпомъ пьемъ,
Живи на многи лѣша! и проч.

А ты прїятный нашъ Андрей,
Когда играешь на кларнетѣ.
Усллада ты компанїи всей!
И всё шебѣ пустое въ свѣтѣ!

Х о р ъ

И всё ему пустое въ свѣтѣ!

Твое здоровье выпьемъ мы,
Ударимъ руку въ руку;
Веселы изоспримъ умы,
И выдумаемъ шпуку!

А ты веселья сынъ и шпукъ!
В. нашъ
Прямой ты Демокриповъ внукъ,
Собранїи нашихъ генїй!

Всякъ выпить въ честь твою гошовъ,
Всегда такой лишь буди —
На что калякашь много словъ:
Здоровы добры люди!

Друзья, еще покаль винца
Мы выпьемъ за здоровье
За С. хипреца,
И вошь ему присловье.

Тебя мы производимъ въ чинъ:
Ты виночерпцомъ украшайся!
Ожиюдь не смѣй имѣшь личинъ,
И пьянымъ бышь не пришворяйся!

Х о р ь

А въ ноги нужды нѣтъ валайся!

Еще другой Иванъ здѣсь есть,
Онъ пляшетъ, огороды,
Какъ я онъ мастеръ рифмы плестъ —
Такъ вышьемъ-ше, народы!

Еще и третій есть Иванъ
М. Я.,
Мы вышьемъ въ честь его спаканъ! —
И въ честь пвою, К.

А ты К. Ф.,
Ты право насъ послушай.
Забудь дѣла; всё въ мѣрѣ вздоръ,
Вино съ охотой кушай.

Чѣя наружность хороша,
(Спаринное присловье;)
Такъ у того добра душа:
Мы пьемъ пвое здоровье!

Теперь конецъ моимъ словамъ;
Не зрю вина кончину,
Почтенные, позвольте вамъ,
Хоть рюмки половину

Налить пѣнистаго винца;
А мнѣ надеждой лишиться,
Что каждый выпить въ честь пѣвца
Пол-рюмки вѣрно согласится?

Х о р ь

Не только полъ-рюмки, согласны покаяль,
За здравье Пѣвца, чтобы Дмишрѣй намъ даяль.

П ѣ в е ц ь.

Эдакой я чесши, ей! неожидань.

Теперь мы выпьемъ за Царя. . . .

Х о р ь

Сѣ бы прежде надлежало.

Не безпокойшеса, друзья,
Чиновъ у пьяныхъ не бывало,

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы;
Къ нему любовію горя
Возмемъ-ше праздничны покалы!

—
Х о р ь

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы!
Къ нему любовію горя,
Возмемъ-ше праздничны покалы!

—
Ребяпа! славно — ну опять,
Берите по покалу, други,
Велише *Дмитрію* давать
За здравье Царскія Супруги!

—
Еще намъ выпить надлежитъ,
Иль учинимъ злодѣйство!
Изволь-ка *Дмитрій* намъ налишь
Полнѣе за Царя Семейство!

—
Теперь мы выпьемъ за того;
Кого,
Кшо любишь болѣе всего!

—
Вопь я — я выпью за!
Я пьянъ и — признаюсь,

Что я люблю дѣвчонку эту,
Да шолько толку не добьюсь!

Друзья! до сихъ мы пили поръ
За здравье *многихъ* безъ натяжки;
Теперь составимъ винной хоръ,
Воземъ спаканы, рюмки, фляшки.

Пусть съ визгомъ всякъ въ стекло бренчишь;
Пусть будешь *мильй безпорядокъ*!
Пусть всякъ, что хочешь, по творить,
Тогда погладишь Вакхъ ребятокъ!

Мслвъ.

2.

Маскированный Отвѣтъ.

В о л р о с ъ.

Рѣши мою судьбу, надежду мнѣ подай:
Доколѣ пламенемъ бесплоднымъ мнѣ горѣть?
Скажи, любезная: утѣшься, не страдай!
Иль дай въ своихъ очахъ мое несчастье зрѣть.

О т в ѣ т ъ.

Любовь есть бѣра чувствъ: спокойство, тишина,
Да будущъ пвой удѣль, мечпанья испреби;
Любовь къ погибели сердцеъ сотворена:
Разсудокъ, чтобъ спаснись отъ ней, упошреби.

Я.

3.

Панегирикъ головѣ Ослова.

Разпался бѣдный пенъ опъ головы Ослова!

А голова? — она здорова!!

О. С.

4.

Пѣснь Семейству.

Гой шамъ по *Зміевскій* дорози

За *Васищевымъ* за селомъ

За *Удалы* при перевози

Въ сили маленькомъ В. . . : ъ

Стоить хороша нова хапа,

Дядями добрыми богата!

Якій живе шамъ добрый Панъ;

Яка живе шамъ добра Паня! —

Такъ добры, любы, хошь Бояна;

То спане въ пинь и самъ Боянъ!

А Паночка шацо казаты,

И не можно описаты!

О якъ кривы ученыхъ повки,

Чи ѣ у нихъ на шахъ ума,

Все пишуть, що оспались вѣвки,

А що людей зовсимв нема.

Ѣ люди, ша шукашь не хочуть,

Брехнею цилый свить морочуть.

Колыбѣ воны Панивѣ сихъ знали,
Такихъ писулекъ не писали!

А зветсѣ добрый Пань,
А Паня любѣ Л
А любѣ Панночка Н
И ябѣ радостью назвавѣ!
Вона ошцу и справды радость!
А машери — понижа сладость!

Еще у нихъ якисѣ Панянка
Богатая на имена,
Хто называе Прасковьянка,
А хто zove їи *Княжна*.
А хто и вонь якѣ называе:
Що будто бы вона сїяе!
Дай Богъ їи добраго здоровья!
Тожѣ добра Панночка Прасковья!

У Пана ѣ еще Паничикѣ,
Его зовуть вси *Сашурокѣ*,
Моторный, шалоеливѣ, якѣ бисикѣ,
Но буде умный парубокѣ.
Ушь повѣ-Граμμαшики винѣ знае,
И по Лашыиьскому чипае!!
Хто не шаливѣ, якѣ бувѣ малымѣ?
Не шреба шилько бушы злымѣ.

Я и великій їа шалю;
Но злого сердца я не маю,
За то себя и почиаю,
За то себя я и люблю.

Панивъ сихъ вихъ я не забуду,
Колы бы вси шаки булы!
За нихъ за всихъ молихся буду,
Що бы здоровенько жили!
Хиба мидвидемъ преба бупы,
Що бы ихъ ласки позабушы!

О якъ вони мене кохали!
Не гось у нихъ — родный я був!
Ще разъ прїихати прохали —
И я бы заразь къ нимъ задувъ,
Хопь сю минушу сивъ на дрожки —
Та заняшый дилами прошки.

Мслецъ.

Оглавление IIIй части.

	Стр.
1. Ушайда (претія пѣснь) - -	3
2. Похвала Гроку - -	9
3. Лиза Романиспъ (повѣсть) -	14
4. Овень и Песъ (баснь) -	19
5. Езопъ - -	20
6. Заморскій Улей - -	21
7. Три Епиграммы - -	23
8. Къ лиценачершанію Гончаренка -	24
9. Ему же - -	—
10. Рецептъ - -	—
11. Стихи по прочшеніи Сумарокова	25
12. Поэтъ и Математикъ - -	28
13. Въ день Ангела К. -	32
14. Элегія на пошерю рожка -	35
15. Бывало и шеперь - -	36
16. Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ	59
17. Письмо Рускаго Солдата - -	40
<i>Піесы Рускаго Солдата:</i>	
18. Нельзя безъ предисловія - -	44
19. Лѣкаръ самъ къ себѣ - -	45
20. Пролазъ - -	47
21. Разговоръ при погребеніи -	50
22. Надпись къ Поршрешу - -	—
<hr/>	
23. Письмо Байтгамскаго Посланника	51
24. Бумага - -	55

С м ъ с ъ.

	Спан.
25. Ошьвѣдъ Спуденна - -	59
26. Плань Романа - -	61
27. Кеношафія - -	—
28. Къ Поршрешу Руск. Цицерона -	—
29. Дра бича рода челоѡчскаго -	62
30. Воспомяніе - -	63
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
31. Ушаида (четвертая пѣснь) -	67
32. Спихи по полученіи Докшорскаго доспоинства - -	77
33. Ода 1816 года - -	78
34. Послаіе къ Эликурейцамъ -	80
35. Разладъ Омегина съ Зенишовымъ	83
36. Орангушангъ и Лисица - -	85
37. На Миръ 1815 года - -	86
38. Ученоспъ въ парадъ - -	89
39. Къ фершунъ - -	90
40. Мерзилкинъ - -	93
41. Основаніе Харькова - -	95
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
42. Письмо Рускаго Солдата - -	104
43. Хорошая и дурная нога - -	110

С м ъ с ъ.

44. Позшъ въ станъ Эликурейцовъ	115
45. Маскированный ошвѣспъ - -	122
46. Панегирикъ головѣ Ослова -	123
47. Пѣснь Семейспву - -	—

Кочина X. Демокрита.
